

А.К.Гаврилов

ХОРУГВЬ У СЛАВЯН И ПРАГЕРМ. *KHRUNGO

Происхождение слова хоругвь засвидетельствовано в старослав. языке с XI в. как хорѣга, -гѣве для перевода греч. σκῆπτρον ('скипетр, жезл') и представлено как в славянских, так и в балт. языках, напр. лит. karingas или польск. chorągiew и chorąży, откуда, опосредованно, русск. 'хорунжий'. Со времен научной разработки истории славянской лексики были высказаны различные идеи о происхождении этой по всей видимости заимствованной лексемы, в особенности версии германская и восточная (алтайско-монгольская или собств. тюркская). Учитывая мощное влияние Византии на славянство, можно было начать обзор отсюда, но источника изучаемой лексемы здесь, как будто, не обнаруживается. Мысль о монгольском происхождении лексемы, к которой склонялся М.Фасмер, не утратила своего влияния, хотя вызвала профессиональную критику со стороны ориенталистов; не убеждает и тюркская версия Ф.Миклошича. Что касается германского происхождения лексемы (В.Ягич, Ф.Ф.Браун и др.), то она представляется не только правдоподобной, но и вероятной, так как ее можно подкрепить лингвистическими, культурно-историческими и «реальными» соображениями: древко с воинским значком (готск. hrugga) живет и поныне в германских языках в знач. 'палка, шесток' и т. п.; отсюда в соврем. нем. Runge в смысле 'сплица в колесе', англ. rong. Характерно, что и вошедшее в употребление в западноевропейских языках обозначение воинского, употребительного в кавалерии «значка», со временем принимает, как и «хоругвь» на прицепленных к древку поверхностях христианские символы, как это видно на позднеантичных штандартах. Франц. gonfalon также заимствовано из языка германцев <*gundfano, где второй элемент тождествен современному нем. Fahne. Воинственность и вера выступают тут вместе в связи с этим меняющим свой облик и содержание предметом и создают для когда-то простого названия вещи значение символа и атмосферу сугубой святости.

Ключевые слова: хорѣга, -гѣве; хоруг(о)вь, chorągiew, хорунжий, хорунка

Товарищу по чтению римских авторов
с А.И.Доватуром
Михаилу Борисовичу Свердлову

В старославянском языке лексема хорѣгы, -гѣве однажды засвидетельствована в сер. XI века (Cod. Suprasl. 179, 12):¹ ... хороугви дарствуа любимымъ тобою (о Боге, который дарует своим избранныкам знаки власти). В греческом источнике находим словосочетание σκῆπτρα ἔχειν, где σκῆπτρον — старое, уже у Гомера употребительное слово в значении 'жезл, скипетр', что не обязательно, но часто понимается как знак старшинства и, по старинной логике, власти (И.18.416, Од.13.437 etc). Тот же семантический силуэт можно наблюдать и в контуре значений у сущ. *жьзль* или *посохъ / носъ* ~~Ха~~.² В более позднее время и кончая нынешним, *хоругвь* в области славянских языков встречается широко, повсюду и до сих пор, особенно в церковном обиходе.

Варианты произношения и написания этой восточнославянской лексемы, как и ареал ее распространения, весьма разнообразны: *хороугы, хороугвь, хороуговь, хорюговь, хороугва, хорюгва, херюгва, херюгва, корогва* (Даль), *корогвь*. Хорошо представлено это слово и в украинских памятниках³. В польском языке имеем: *kerouhev*⁴ и чешск. *kor(o)uhev*, которые могут означать *хоругвь*, а последнее, в виде деминутива — и схожий с флажком на шестке *флюгер* и связанное с этим обозначением переносное значение⁵. Любопытны народные болгарские формы: *х(о)руглица, ф(е)руглица*, для обозначения знамени, украшавшего свадьбу (болг. *сватбенознамя*)⁶.

Занимающая нас лексема часто рассматривается в связи со *Словом о полку Игореве*, где она появляется в чеканной, но не понятной отчетливо серии слов с эпитетами: «чрьлень стагъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружие»⁷. Все эти стоящие рядом слова *eo ipso* стоит иметь в виду вместе, сопоставляя и

¹ Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков. М., 1999, s.v.; тексты мартовской минеи восходят, как считают, к X в. и к Преславской школе.

² В греческом языке этим лексемам соответствуют *ράβδος* и, соответственно, *βακτηρία*, чему были, естественно и древнееврейские соответствия — *посох* и *жезл* символы в Библии.

³ Словарь староукраїнської мови XIV—XV ст. у двух томах. Київ, 1978 (т. 2, с. 512), под словом *хорюговь*, находим ок. десятка свидетельств, из коих пять приведены тут же.

⁴ Уже в старопольском была *chorągiew rułkowa; chorąży*; соответственно в старо-укр.: *хорюжи(и)*, которое указывало на воинскую терминологию, принятую в Польском королевстве и в вел. княжестве Литовском. Ср. *korónka* — небольшой значок; ср. *хорунка* донских казаков о знаменующей воинским знаком отдельной войсковой единице.

⁵ Чешск. *kerouhevická* — флажок, флюгер, откуда, в частности, *kerouhvičkarství* — 'приспособленчество' в смысле подражания флюгеру по его послушности любому ветру.

⁶ Эти варианты из народного болгарского языка приведены в кн.: Младенов С. Етимологически и правописень Речникъ на българския книжовень Езикъ. София, 1941. С. 670.

⁷ Текст «Слова о полку» по изд.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве», т. 1 (СПб, 1995), с. 8-16. Соседство этих выразительных синтагм пробуждает естественный интерес, а затем — после многочисленных попыток истолкования —

дифференцируя *хоругвь*, *стяг* и *стружие* на общем фоне⁸, иначе при толковании приходится наблюдать бесконечный разноречивый. Изучению подлежат поэтому и слова, и реалии, что показала заслуженно ценимая школа Wörter und Sachen (Р.Мерингер / R.Meringer) в лексикологии. *Хоругви* — особый вид утвари, которая была и воинской, и церковной, означая те предметы, которые по-латински емко именуются *signa militaria*¹⁰; немало работ о соответствующих предметах у эллинов (*shmaïa*) и в римской империи, а затем, естественно, в позднем Риме¹¹ и в Византии как империи ромеев.

По значению вырисовывается следующее: *хороуговь* — это некий предмет (жезл, посох, «значок»), находящийся у кого-то в руках и «знаменующий» собой власть и силу; специализация на власть мирскую, воинскую или духовную проступает сама собой, судя по тому, идет ли речь о военном быте или, со временем, о церковном обиходе. Заметим, что в воинской среде *хороуговь* не просто символический, но и прямо тактически важный элемент, когда знак («значок») военного отряда «знаменует» и самый отряд, что имеет прямую важность при ведении боя; таков при появлении слова его *Sitz im Leben*¹². Разберем теперь версии происхождения лексемы.

I. Для филолога-классика и всякого, кто понимает силу культурного влияния Византии на восточно-европейском пространстве, в слове *хороуговь* может послышаться нечто похожее на *χορηγία* и *χορηγέω*. Не ведет ли этимология на Балканы и в область греческой лексики? Ведь там мог быть *хорег*, или *хориг*¹³ или засвидетельствованный в славянском тексте термин *куруг*¹⁴, источник которого — в отсутствии *κοραγί* в современном византийском лексиконе¹⁵ — мы предложили бы связывать с когда-то весьма употребительным греческим словом *χορηγός*¹⁶. Что касается реалий, то для поздней античности и Византии в нашем распоряжении есть такой великолепный инструмент, как *Glossarium mediae et infimae Latinitatis* Шарля Дюканжа, где различные знамена, обобщаемые с помощью термина *signa militaria*, или *vexilla*, представлены весьма богато, а в позднем издании снабжены великолепным указателем¹⁷, где приводится около пятидесяти лемм, относящихся к воинским знакам и знаменам, их частям, назначению и проч.: (Kaiser)Standarte, причем штандарт < *é(s)tendard* < *extendere*); *Kaiserbildnisse*; *Fahne*, *flag*, *Feldzeichen*, *vexilla*; *labarum*,¹⁸ *aquila*, *signum*; *signi-*, *imagini-*, *aquili-*, *vexillifer* (о «знаменосцах» — калька с греч. *σημειοφόρος*); *vexilli lingua* = *flammula*, ср. греч. *flámoulon* (применительно к полотнищу, когда оно, наверное, небольшое, что и уместно в бою) etc. Отсюда видно, сколь международным было это семантическое поле в поздней античности. Любопытно, что ит. *gonfalone*, фр. *gonfalon* (как и более архаичное *gonfanon*) в значении хоругви происходят от герм. *gundfano*, где *gund* связывают с понятием «бой», а *fahne* это «флаг» (XI—XII саec.).

Тем не менее, слов, которые вели бы к лексеме *хороуговь*, среди всех этих обозначений не видно: то один¹⁹, то другой привлекаемый нами грецизм или латинизм²⁰ приходилось отбросить за непригодностью.

некоторую неуверенность в успехе. В названном выше изд.: Энциклопедия ..., т. 5 (СПб, 1995), s.v. хоругвь (188 сл., М.А.Салмина), струга / стружие (там же, с. 74 сл., О.В.Творогов), стяг (там же, с. 77-79, А.Г.Бобров).

⁸ Ценными и оснащенными научной литературой соображениями по поводу вооружения русских воинов, особенно в отношении «стружия», поделилась со мной Л.В.Соколова. Действительно, эти элементы надо рассматривать вместе, при том лучше всего — решившись постичь на деле, как сооружают «воинские» значки или знамена, причем можно опираться на имеющиеся миниатюры иллюминированных рукописей и на несколько частично сохранившихся экспонатов старинных знамен.

⁹ Об отдельных словах из воинской лексики «Слова о полку Игореве» см. выше прим. 7. О древнерусской синонимике в военной сфере приведем: Рабинович М. Древнерусские знамена (X—XV вв.) по изображениям на миниатюрах // «Новое в археологии», изд-во МГУ, 1972; также: Яремко Я. Українська військова термінологіка XIV—XV ст. // Вісник Львів. ун-ту. Сер. філ. 2004. Вип. 34. Ч. 1. С. 451-457.

¹⁰ *Signa militaria* отчетливо описаны С.Рейнаком в *Dictionnaire des Antiquités Grecques et Romaines*, s.v., в богато иллюстрированной статье.

¹¹ Domaszewski A. von. *Die Fahnen im römischen Heer*. Wien, 1885.

¹² Значение «племени или какой-то его группы» через греч. *σκῆπτρον* (которому, помимо текстов, связанных с Библией, оно не свойственно) заимствовано из др.-евр. *shebeth* «стебель, ответвление» (*Gen.* 49, 10; 16).

¹³ См. Срезневский И.И. Материалы словаря древнерусского языка. Т. 3. Под словом *хориг*.

¹⁴ Срезневский дает — Т. 2, под словом — пример из Златоуструя, XII в.: *вьроующих коуригъ* как перевод *tín pisteuóntwn numfagwój*.

¹⁵ *Lexikon zur byzantinischen Gräzität, besonders des 9. — 12. Jahrhunderts*. Erstellt von E.Trapp. Wien, 1994—2017.

¹⁶ Мы взвешивали сперва **κοραγί*? (от *κόρα* / *κοῦρος*) в качестве источника, но за отсутствием такового в весьма современном лексическом репертурии (см. след. прим.) готовы видеть источник в греч. *χοραγός* / *χορηγός* в смысле «ведущего, распорядителя» (напр. хора, свадебного праздника и т.п.).

¹⁷ Полсотни слов, прикасающихся с занимающей нас темой, сведены в ценном индексе к словарю Дюканжа: *Glossarium Du Cange auctum ... a d<omino> P. Carpenterio, digessit G.A.L.Henschel*. Ed. A.L.Favre. (Niort 1887). Т. 10, р. CLXV, s.v. *vexilla*.

¹⁸ Вариантов разъяснения *labarum* также немало, как и при написании: не лишено правдоподобия, пожалуй, объяснение через лат. *laureum* (scil. *vexillum*), что стало непонятным ромею на фоне греческого слова *λαύρα*, имеющего совсем иное значение («дорога, аллея, крытый проход»). Это толкование приведено в *Oxford Byzantine dictionary*, s. v. *labarum*, с указанием на раннее употребление у Евсевия (*Eus. Vita Constante*. 1. 31).

¹⁹ Далекое созвучие с слав. *хоругвь* дает, как может показаться, латинское выражение *cruces*, когда оно обозначает знаки креста, изображенные на знаменах. Созвучие это, однако, следует признать отдаленным, а при распространенности у византийцев слова *σταυρός*, они вряд ли нуждались в латинизме.

Поэтому, признавая употребление военных знаков Рима и Византии весьма значимой для позднейшей европейской традиции²¹, приходится продолжать поиски источника лексемы *хоругвь* в других местах.

II. Этимологи-слависты, занимаясь происхождением слова *хоругвь*, не очень уверенно, но, пожалуй, по преимуществу указывают на Восток. Начнем (а) с монгольской версии, с которой начинает и М.Фасмер²², что, конечно, делает ссылки на нее распространенными и по своему авторитетными, пожалуй, даже — преобладающими²³ [1]. Обращались к этой этимологии и ориенталисты²⁴. О.Н.Трубачев не высказывает своего мнения прямо, но то, как он приводит под конец переводной статьи М.Фасмера под словом ‘хоругвь’ (сильные, как увидим) возражения против монгольской версии, наводит на мысль о том, что и сам Трубачев дальневосточной версии не разделяет. Напротив, В.Кипарский [2], к которому мы еще вернемся в связи с его мнением о германской версии, находит версию монгольскую предпочтительной²⁵. То же надо сказать о К.Менгесе²⁶ [3] — одном из тех, кто обстоятельно изучал заимствования из восточных языков в древнерусском.

В издании [4], под словом URUNGU—I, сообщается об этой лексеме и о присущем ей значении ‘знамя’, засвидетельствованном в надписи, найденной в долине р. Элегёст (приток Енисея) в Тыве²⁷ — одним из памятников древнетюркского рунического письма VI—X вв.

В чем состояла критика дальневосточного происхождения хоругви, когда говорили о монгольской (в уйгурском написании) лексеме: *oroŋɣu* / *oruŋga*, которая — в одном из своих значений — означает чуть ли не то же самое, что распространенная у славян *хоругвь* как боевой знак или воинское знамя. При довольно близком созвучии имела место, таким образом, также и примечательная близость по смыслу. Сильной стороной этого объяснения казалось и то, что можно было заодно объяснить носовой в польском *chorągiew* (что отразилось и в русс. яз. через заимствование польск. *хорунжий*).

Существенные возражения против (главной) восточной версии были сделаны знатоками алтайских и монгольских языков Л.Лигети²⁸ и Н.Н.Поппе²⁹. Не отрицая ни достоинств труда Менгеса (1951), ни возможности заимствований в русский язык с Дальнего Востока, эти специалисты признают, что их решительно смущает отсутствие начального ‘h’ в привлекаемом монгольском слове, которое, тем не менее, на лицо в будто бы сделанном славянами заимствовании. Такое заимствование нуждалось бы в посредничестве тюрков. Однако даже те, кто принимает монгольскую версию, обычно признают, что тюрки, которые должны были передать заимствование от монголов славянам, сами для себя его не сохранили. Для предположения о передаче такого слова на Запад и Север, где уже в X в. оно, судя по рефлексам, явившимся повсюду, было общеславянским, такую картину вряд ли можно признать надежной. Неудивительно, что эта слабость монгольской версии признана и в «Этимологическом словаре славянских языков» [5] (впрочем, там же, прим. 209 со ссылкой на А.В.Дыбо).

Что касается подачи этого материала у Менгеса — будь то в смысле фиксации и контура значений, будь то в плане предполагаемого смыслового движения, — то она способна ввести в испуг своим крайним экспрессионизмом: взять хотя бы объяснение понятия «знамя» через представление, содержащееся в глаголе «струиться» или, более того, в представлении «табуистически извиваться»³⁰. Это (в дополнение к мнению ориенталистов, которое прямо отрицательно)³¹ подтверждает сомнение со стороны семасиологии. Иначе говоря: исходя из соображений разных уровней, монгольскую версию можно с основанием признать занимательной, но очень мало правдоподобной³².

(б) В отношении слова *хороугы* Франц Миклошич колебался, считая его загадочным, покуда не склонился к другой восточной версии — тюркскому *kujruk* / *kurjuk* в смысле указания на ‘(лошадиный) хвост’

²⁰ В поисках источника слова «хоругвь» автора одно время привлекало из библейско-христианской сферы как слово, так и образ *cherubim* (plur.), поскольку грозные библейские херувимы действительно изображались на знаменах, в частности русских, отлично вписываясь в воинскую обстановку. Эту дорогу пришлось, однако, признать ложной, так как следов использования имени *cherub* для обозначения *хоругви* ни в поздней античности, ни в средние века нам не встретилось.

²¹ Примеры искать не приходится: только что встретившаяся нам слав. лексема ‘знаменосец’ была, наверно, непосредственной калькой с *signifer*, а лат. образование, в свою очередь, — калькой с греч. *σημειοφόρος*.

²² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка ... / Под ред. О.Н.Трубачева, s. v. (т. 4, с. 268 сл.).

²³ Ссылки на сочувствие монгольской версии у востоковедов П.М.Мелиоранского и Г.И.Рамстедта, а также у известных историков языка Й.Миккола и Ф.Е.Корша приведены у М.Фасмера (см. пред. прим.); между Ф.Ф.Коршем и Мелиоранским шла напряженная полемика по этому вопросу.

²⁴ Олядыкова Л.Б. О древнейших монгольско-славянских языковых связях // Вест. ЛГУ. Л., 1979. № 8. Вып. 2. С. 78-83.

²⁵ Kiparsky V. Die Gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki 1934 (Annales Academiae scientiarum Fennicae, B XXXII, 2. S. 135) — германской этимологии *хоругви* Кипарский не принимает.

²⁶ Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве» / Пер. А.А.Алексеева. Отв. ред. А.Н.Кононов. Л., 1979; лексема *хорюговь* обстоятельно разбирается на с. 157-166.

²⁷ Я признателен Н.Л.Сухачёву, без которого решительно не мог бы ориентироваться в восточном материале, более того, не сумел бы и попытаться следовать за одним из сведущих — «*di color che sanno*».

²⁸ Ligeti L., review of K.H.Menges: The Oriental Elements....: “L’Étymologie mongole du slave chorogy ‘drapeau’” // Études slaves et Roumaines. Budapest, 1949, vol. II, fasc. 1, pp. 46-56.

²⁹ Poppe N., review of K.H.Menges: The Oriental Elements.... // Word 9. № 1 (April 1953). P. 96-99.

³⁰ Менгес К.Г. Восточные элементы..., с. 159.

³¹ Ligeti L., op. cit., p.54: ‘une hypothèse gratuite qui ne s’appuie sur rien de certain’;

³² Кроме спорной *хоругви*, восточнославянское заимствование из монгольского предполагается у К.Г.Менгеса чуть ли не в единственном слове ‘*телега*’.

ради обозначения воинского и вообще властного знака, который мог бы быть похож на то, что называется бунчуком. Миклошич подкреплял эту версию ссылкой на представленную и в новогреч. лексему *κουρδιουκα* с близким к вышеназванному тюркизму значением ‘Fettschwanz’ (ср. русское ‘курдюк’, происходящее, можно думать, отсюда же)³³. Тем не менее фонетически йотация, отразившаяся и в греческом заимствовании, на лексеме «хоругвь», как получается, следа не оставила. Также и семасиологически то, что здесь предлагается, не убедительно — предмет, ставший опорой для номинации, не только не ведет сам по себе к вещам серьезным и значительным (такое еще случается), но даже и соприкасается с чем-то обыденно-низким, а это уже нежелательно — речь идет не о быте, а о том, что призвано вызывать уважение. Сравним с этим принцип именования слав. слов ‘знак’ и ‘знамя’, образованных от глагола ‘знать’ — ведь сразу видно, насколько это достойнее по смыслу и ровнее по общему тону; нейтрально и обозначение *estandard, standard, Standort*, дающее указание на место сбора, что так важно в бою.

III. На этом фоне приходится с надеждой вернуться к версии о германском происхождении слова. Германскую этимологию рассматривали Ф.Ф.Браун, К.К.Уленбек, В.Ягич и др.; одно время она была популярна³⁴. О готск. *hrugga* со значением ‘посох, палка’ как об источнике слова *хоруг(о)вь* эти исследователи писали и спорили, однако, успели убедить немногих, и Фасмер дал свою оценку версии о германском происхождении *хоругви* не менее строго, чем турецкому курдюку Миклошича, будто бы способному описывать нечто, похожее на воинский знак в духе слова *бунчук*. Здесь, как нам представляется, дело обстоит не так безнадежно, и мы постараемся показать это.

Действительно, германские языки показывают следующие любопытные для нас лексемы³⁵, из которых прагерманская (надежно) восстановлена, а готская сохранилась в переводе *Еванг. от Марка* 6: 8, где греч. *εἰ μὴ ῥάβδον ῥόνον* соответствует готск. *nibo hrugga aina* (в церковнослав. переводе: „ничесоже... токмо жезл един“)³⁶. Это готское слово отлично представлено в германских языках, откуда делаем лишь небольшую выборку:

***hrungō** (прагерм. **khrungo*) fem.: ‘жезл, шест’; готск. *hrugga* fem. ‘посох, палка’; англосакс.: *hrung* fem. ‘палка, перекладина’; engl., *Chaucer* ‘*rong*’ (‘лестничная перекладина’), *rung* (‘палка, шест’); ср.-нижненем. *runge* fem.³⁷, et cetera³⁸.

Как фонетически, так и морфологически нам важны все части разбираемого слова. Начнем с привлекающей внимание *середины слова*. Тут интересно, что носовой согласный, который в славянской орфографии оставил след написанием «юса», а в польской фонетике сохранился в виде назального призвука, угадывается и в готском сущ. ж. р. *hrugga*. Ведь азбуку для готского брали из греческого письма, а значит, в этой ситуации, сдвоенное ‘gg’ могло послужить передаче носового согласного, как бывало в греческом письме): то же, наверное, отразилось и в лит. *karingas*, где между спирантом и плавным появилась вокализация.

Обратимся теперь к *началу* лексемы: (а) как появились варианты начального согласного с придыханием и без него? Если в германских языках, как видим, спирант перед плавным просто отпадал (ср. *hleibs* → *Laib*, напр., в словосочетании: *Laib Brot*, ‘буханка хлеба’), в балто-слав. ареале он оформлялся как взрывной или с аспирацией, как *к* или *х*: *хоругва* — *коругва*; ср. *Хорсунь* и *Корсунь*, *хоровод* — *коровод*; в этом же духе *Кристуc*, *казары* и т. д. Заметим, что в слав. начальный согласный в лексеме *хоругвь*, в отличие от германских диалектов, сохранялся точно так же, как в слове *хлеб* (*hleibs* → *Laib*, но в русск. остается *хлеб*). Далее шел считавшийся особенно тяжелым вопрос: (б) откуда у славян явился гласный *о* между спирантом и плавным, или вокализм после первого согласного перед согласным последующим? Почему, иначе говоря, не было заимствовано: *хру(н)га*? Как уже предлагали, появившийся лишний слог можно объяснить как глайд (*Gleitvokal*). Получалось, как будто, нечто похожее на полногласие: **trot* → *torot*, ср. *шлемь* < *helmats* → *шелом*, ср. *Тьмуторокань*, которое отражает греч. *Tamatarca*, лат. *Tamatarcha* < *Taman-tarchan* (с возможным подспорьем в виде народной этимологии). А ведь возникли же формы *хорогва* / *корогва*. Не беремся судить, когда происходили явления этого типа в балто-слав. ареале (лит. *karing-as*) и можно ли ставить вопрос о первенстве восточно-слав. или балт. материала в этом отношении; видно только, что в этой трактовке германских заимствований некоторое время наблюдались общие решения.

Итак: если правильно объяснение, которое мы отстаиваем, балто-славянские языки развернули вокализацию *hr > h(o)g-*, между тем как герм. упростили: *hr > r*. Несмотря на почтенность фонетических законов

³³ Miklosich F. Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen. Wien 1884 (Denkschriften der Akademie der Wissenschaften in Wien, Bd. 34); idem. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen (Wien 1886), S. 89. Обзор одновременно с разбором труда Миклошича, в частности, объяснения слова ‘хоругвь’ из турецкого, дал Ф.Ф.Корш (Th.Korsch) в журнале: Archiv für slav. Philologie. 1886. Bd. IX. S. 513.

³⁴ Ссылки на эту ветвь толкования также приведены у М.Фасмера, *Этимологический словарь...*, под словом ‘хоругвь’. Для понятности говорили о *harihrunga* — ‘воинском жезле’ (ср. современное нем. Heer).

³⁵ Составлено и выложено в сеть Г.Кёблером: Köbler G. Germanistische Wörterbücher — protogerm. **khrungo*, got. s.v. *hrugga*.

³⁶ Конечно, прагерманские образования не засвидетельствованы прямо и восстанавливаются, что приходится пометить звездочкой, однако эта реконструкция держится на отражениях стольких и столь надежных отражениях, что ее можно считать вполне несомненной.

³⁷ Нововерхненем. *runge* — *апеллятив ‘спица в колесе’, стал у немцев и фамильным именем: Рунге*.

³⁸ Германские этимологические словари в оценке этого гнезда единодушны, а материала в них больше, чем приводим мы.

применительно к большим частям лексики в определенные периоды времени, процессы в отдельных словах, заимствованных из других языков, могут, как кажется, происходить по-своему³⁹.

Что касается *конца слова*, то оформление в занимающем нас слове, напротив, очень отчетливо и регулярно⁴⁰: *хороугы, род. п. — гве → хороуговь*, а нар. вариант: *хоругва*; реструктуризации идет по типу *църкы, църквѣ* (ср. *κυριακή*, которое дает *Kirche*), а там *църковь - църква, свекры — свекровь, смокы — смоква, буквы и буква и др.*)⁴¹.

Подведем итоги нашего рассмотрения. Рецепция германского слова еще в общеславянском или даже во времена приметной в данном случае языковой балто-славянской близости примечательна и требовала довольно плотных контактов. По всей границе с германцами это, возможно, и происходило. Заимствование бытовавшего, в частности, у готов *hrugga* могло быть принято, видимо, еще в общеславянский язык⁴². Культурно-исторически общение с германцами в середине первого тысячелетия для восточных славян много правдоподобнее, чем (пусть опосредованная) связь с носителями монгольского языка. Тема общения в нашем случае — организация военных действий — также подходит к германцам. В этой области у германцев, перенявших многое у Рима, заимствовали, как известно, немало: начиная со слова *стагъ*, который мало кто отказывается связывать с герм. *stange*; сюда же относятся *шлем* (ср. выше), *броня* < *brunja, полк*; может быть, и *меч* и т. д. Это не мешало тому, что параллельно наследовались и античные имена вещей: напр., трудно отказаться от впечатления, что лат. *signum*, откуда фр. *enseigne*, ит. *insegna* и которое в свою очередь происходит от греч. *σημεῖον, σημαία, σημαῖον* в воинском смысле, дало в русском 'знамя', отлично повторяющее греческий и латинский семантический силуэт. Но здесь мы скорее имеем дело с переносом лексемы высоко литературного языка в другой, тоже уже письменный, язык — это явление, конечно, гораздо более позднее, чем то, которое мы предполагаем при заимствовании *hrugga*.

Экспонаты русских знамен-хоругвей можно изучать по альбому Л.П.Яковлева⁴³ и по прорисовкам знамен в коллекции эстампажей и рисунков И.И.Срезневского и продолжению исследований обоих. Стоит обратить внимание на изображения значков, знамен, бунчуков в изображениях на рисунках и миниатюрах Радзивилловской лицевой летописи, как и по некоторым другим иллюстрированным рукописям⁴⁴. Изображения, в частности различных знамен, многочисленны и кажутся говорящими о многом, хотя нужно быть знатоком, чтобы уметь выделить реалистические, формальные и более или менее механически повторяемые моменты. Иконографическая наблюдательность могла бы ценным образом восполнять историко-филологическое рассмотрение.

Так обозначение простого предмета: палки, посоха, шеста через серию метонимий и метафор, оказалось среди весьма существенных для жизни, судьбоносных предметов и стало служить обозначению понятий, сперва экзистенциальных, а затем и идеологически важных для носителей языка. Предмет, *носимый* на поле боя, получил христианское освящение, а роль реликвии и символа облегчила 'хоругви' вступление в церковь, где она стала предметом *священной* утвари, которую *носят* на процессиях; теперь изменилось содержание понятия, а самое слово приобрело *сакральное* звучание.

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 4 / Под ред. О.Н.Трубачева. М., 2007. С. 268.
2. Kiparsky V. Die Gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934 (Annales Academiae scientiarum Fennicae). Bd. XXXII. 2. S. 135.
3. Menge K.H. The Oriental elements in the vocabulary of the Oldest Russian epos, the Igor's tale: Slovo o p[о]lku Igoreve. New York, 1951.
4. Древнетюркский словарь / [ред. В.М.Наделяев и др.]; АН СССР. Ин-т языкознания. Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. С. 615.
5. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Сост. О.Н.Трубачев и др. ; под. ред. чл.-кор. АН СССР О.Н.Трубачева. М., 1981. Т. 8. С. 81-82, прим. 54.

³⁹ Стоит учитывать соображения Г.Шухардта (Schuchardt H. Über die Lautgesetze. Gegen die Junggrammatiker. Berlin, 1885). У нас, исходя из наблюдений за взаимовлияниями культур, это обстоятельство настойчиво подчеркивал А.И.Зайцев.

⁴⁰ См.: Indeks a tergo do materiałów do słownika języka staroruskiego I.I.Srezniewskiego. Opracowali J. Dulewicz et al. pod kierunkiem A. Obrębskiej-Jabłońskiej. Warszawa, 1968.

⁴¹ Младенов. Старитѣ германски елементи въ славянскитѣ езици. София, 1910. С. 108 сл. — не признает *хороуговь* германизмом именно на этом основании, между тем как раннее время заимствования не удовлетворяет его в отношении восточных версий происхождения того же слова.

⁴² Ср. предположительно весьма древнее — задолго до IX в. — заимствование в общеславянский язык греч. лексемы *ἀποστάτης* с ее лат. вариантом *apostata* и раннее образование из нее видоизмененной, приспособленной к славянскому лексеме «супостат» (см. Гаврилов А.К. Супостат, отступник, апостат // VERBA MAGISRO. Сб. научных статей памяти профессора Александра Сергеевича Герда. 1936—2016. СПб., 2016. С. 342-354).

⁴³ Яковлев Л.П. Русские старинные знамена. М., 1865. В 2017 на заседании РО БАН (18.10.2017) А.Р.Джиоева делала доклад на тему «Рисунки старинных русских знамен в коллекции И.И.Срезневского»; это было полезно автору в качестве современного комментария к труду Л.П.Яковлева.

⁴⁴ Кондаков Н.[П.] «Заметка о миниатюрах Кёнигсбергского списка начальной летописи // Радзивилловская или Кёнигсбергская летопись. II ч. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. [СПб], 1902. С. 115-127.

References

1. Fasmer M., Trubachev O.N. (ed.). Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka in 4 vols, vol. 4. Moscow, 2007, p. 268.
2. Kiparsky V. Die Gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934 (Annales Academiae scientiarum Fennicae). B XXXII, 2. S. 135.
3. Menge K.H. The Oriental elements in the vocabulary of the Oldest Russian epos, the Igor's tale: Slovo o p[ro]lku Igoreve. New York, 1951.
4. Nadelyaev V.M. et al. Drevneturkskiy slovar' [Old Turkic dictionary]. Leningrad, 1969, p. 615.
5. Trubachev O.N., ed. Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Proto-Slavic Lexical Stock]. Moscow, 1981, vol. 8, pp. 81-82, prim. 54.

Gavrilov A.K. The Russian хоругвь and Germanic hrugga. The origin of the word хоругвь (engl. standard) is witnessed in the Old-Slavonic since XI c. as хорѣга, -гъве to translate greek σκήπτρον ('sceptre, rod'). It is to be found in Slavic as well as Baltic languages, so in the Lithuanian karingas or Polish chorągiew and chorąży, hence Russian 'хорунжий'. There are different theories about the source of this presumable loan-word. The most convincing patterns of the provenience are Germanic and Oriental, namely (a) Altaic — Mongolian; or (b) Turkic. Taking into account the massive influence of Byzantium on the Slavs, the quest began with the language and culture of Byzantians, but despite old contacts in war and commerce leaving many tracks in the Slavic lexicon, no traces of some Greek word seem to be left to be responsible for хорѣга. The idea of a Mongolian origin of the word (оронгю / оругга or urungu should have meant something like 'flag'), supported by M.Vasmer, did not lose its influence till today, in spite of the substantial criticism from the part of specialists in Altaic languages (esp. the appearance of initial 'h' provokes doubts as well as the absence of direct contacts with Mongolians). The Turkic version does not seem convincing as well. Provenience from the Turk kujruk / kurjuk (ср. a Modern Greek loan-word κουριοῦκα, Russian курдюк) denoting 'fat tail of a sheep' — an object scarcely apt to introduce notions associated with order and honour. As to the Germanic provenience it is still supported by some scholars following V. Jagič, F. Braun et al.), this theory seems not only reasonable, but even probable in the light of linguistic, cultural and historical circumstances: reconstructed Proto-Germanic *khrungo and attested Gothic hrugga, subst. fem., denoting crook or staff or shaft still live in Germanic languages quite content with the same or similar meanings (German Runge or English rong). The initial element 'h' is on its place in the (presumed) loan-word хорѣга while in Germanic dialects it fell away; it is the following vowel which makes the problem now, presumably while it was convenient to have a glide between this consonant and the liquid following it (Таматарча, ср. Тьмуторокань). Over time some Christian symbols appeared on the linen fastened to the wooden staff of the military sign, esp. in cavalry (cf. хорунка in the Cossacks cavalry), which gathered armed folk around the chief and / or centre of the group, as one can see on French gonfalon < Germanic *gundfano, where second element comes from German 'Fahne'. After the proper use on the field of honour, the object could be kept in the church, receiving in many respects the sacrosanct meaning. Thus, it not only begins to signify something holy but becomes a symbol of holiness itself: war and faith dance together within this changing object and the word denoting it.

Keywords: old-slavic хорѣга; russ. хоруг(о)вь, polish chorągiew; хорунжий, хорунка.

Сведения об авторе. Александр Константинович Гаврилов — доктор ист. наук, главный научный сотрудник, СПБНИ РАН; ORCID: 0000-0003-4623-0736; a.k.gavrilov@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.10.2020. Принята к публикации 01.11.2020.